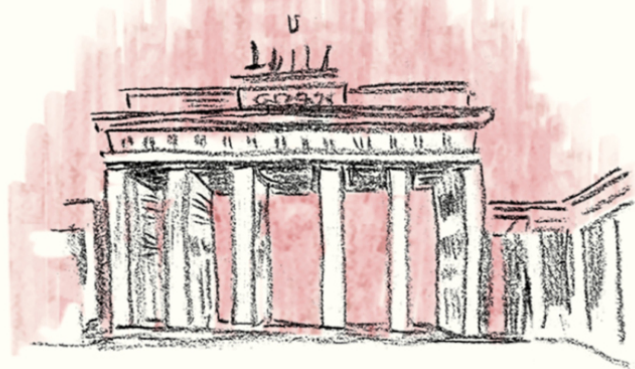
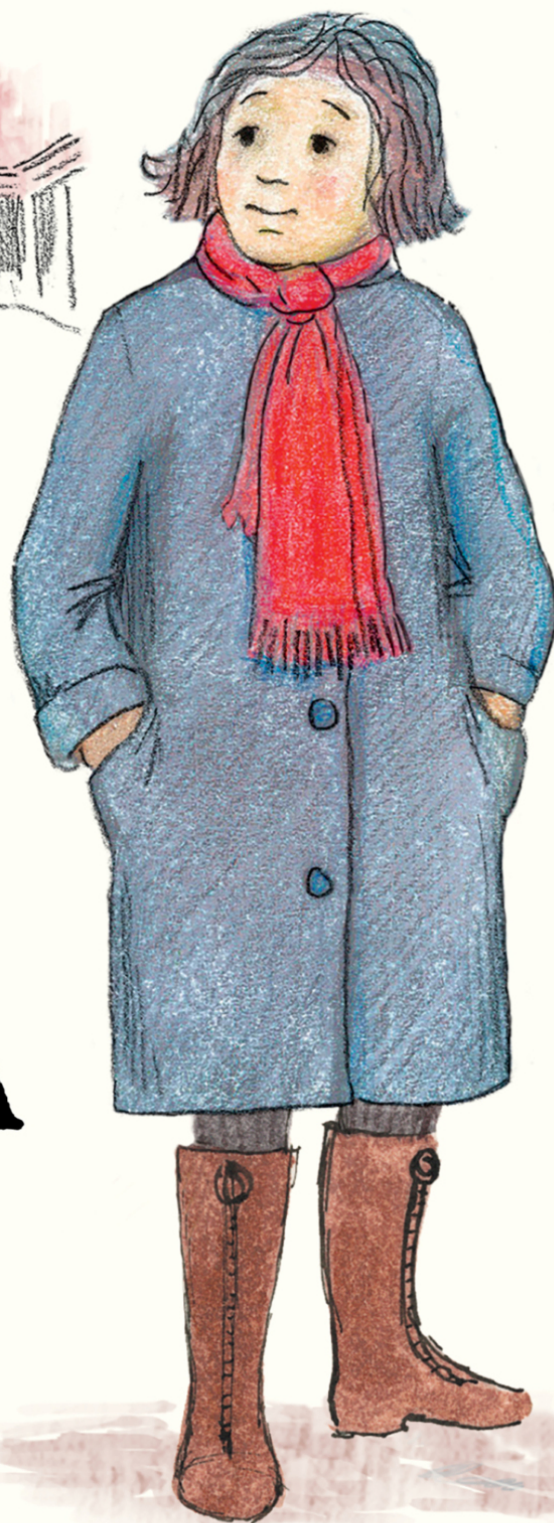

Джудит Керр

А МАМА ДОМА?

Бегство от войны

Джудит Керр
А мама дома?

«Белая ворона/Albus corvus»

1978

Керр Д.

А мама дома? / Д. Керр — «Белая ворона/Albus corvus»,
1978 — (Бегство от войны)

ISBN 978-5-00114-316-1

Заключительная часть автобиографической трилогии Джудит Керр. 1956 год. Война закончилась одиннадцать лет назад. Анна живет в Лондоне с любимым мужем, работает на телевидении, обставляет уютную квартирку. Ужас позади, все благополучно. Но внезапный звонок из Германии рушит все ее планы. Анне предстоит поездка в Берлин – навстречу своему прошлому, полузабытому детству и уснувшим страхам. Остальные части трилогии: «Как Гитлер украл розового кролика», «Как Бог съел что-то не то».

ISBN 978-5-00114-316-1

© Керр Д., 1978

© Белая ворона/Albus corvus, 1978

Содержание

Предисловие	6
Суббота	7
Воскресенье	19
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Джудит Керр
А мама дома?
(Повесть)

Judith Kerr
A Small Person Far Away

© Марина Аромштам, перевод, 2020

© ООО «Издательство Альбус корвус», издание на русском языке, 2021

* * *

Предисловие

Джудит Керр родилась в Берлине в семье немецких евреев. Ее отец, Альфред Керр, выдающийся писатель, яростно выступал против нацизма задолго до прихода Гитлера к власти. В 1933 году семья Керр была вынуждена покинуть Германию. Джудит тогда было девять лет.

«А мама дома?» – финальная часть трилогии, в основе которой лежат события из жизни самой Джудит Керр. В первой части, «Как Гитлер украл розового кролика», ее семье в последний момент перед приходом нацистов к власти удается покинуть Германию. Сначала беженцы живут в швейцарской деревушке, затем – в Париже и в конце концов оказываются в Англии.

Вторая часть, «Как бог съел что-то не то», посвящена взрослению героини: во время Второй мировой войны она живет в Лондоне и учится в школе искусств.

События третьей части происходят через одиннадцать лет после победы над нацизмом. Героиня по семейным обстоятельствам оказывается в Берлине – городе, где она родилась и откуда бежала...

Джудит Керр также известна как автор и иллюстратор книжек-картинок – в первую очередь невероятно популярных историй о кошке Мяули и книги «Тигр, который пришел выпить чаю», переведенной более чем на тридцать языков.

Писательница жила в Лондоне вместе с мужем, известным британским литератором и сценаристом Найджелом Нилом. Их дочь стала кинорежиссером, а сын – писателем. Последнюю из многочисленных кошек Джудит звали Поузи.

23 мая 2019 года Джудит Керр ушла из жизни в возрасте 95 лет.

От издательства Harper Collins

Суббота

Моему мужу

Коврик был идеального красного цвета: без рыжины, но и не слишком темный – такой чистый оттенок очень трудно найти. Он будет чудесно смотреться в гостиной.

– Вот этот, пожалуйста, – сказала Анна.

Сегодня у нее, без сомнений, удачный день!

По пути к прилавку Анна взглянула на свое отражение в большой стеклянной витрине, где были выложены скатерти и салфетки. Зеленое пальто (не доставшееся от знакомых, а купленное на собственные деньги и сидевшее точно по фигуре), узорчатый шелковый шарфик, модно подстриженные темные волосы и выражение спокойной уверенности на лице – все соответствовало статусу магазина. Молодая, но уже достигшая кое-чего в жизни англичанка вышла за покупками! «Да, – подумала она, – я именно такая и есть!»

Пока она выписывала чек и продавец вносил ее имя и адрес в квитанцию для доставки, Анна представляла, как расскажет Ричарду о коврике. Теперь у их квартиры будет почти законченный вид. Останется докупить совсем немного – вроде занавесок и абажуров для ламп. Если Ричард в ближайшее время закончит рукопись, они смогут выбрать эти вещицы вместе.

Продавец вписал фамилию Анны в квитанцию и теперь, очевидно, хотел о чем-то спросить.

– Извините, мадам, – решился он наконец. – Вы, случайно, не родственница джентльмена, который пишет сценарии для телевидения?

– Это мой муж, – ответила Анна, чувствуя, как по лицу расплывается дурацкая самодовольная улыбка.

«Ну что за нелепость, – тут же подумала она. – Пора бы уже привыкнуть».

– Правда? – Лицо продавца порозовело от удовольствия. – Я непременно расскажу об этом жене. Знаете, мы смотрим все телеспектакли вашего мужа. И откуда он только берет свои идеи? Наверное, вы помогаете ему писать?

– Ну что вы! Нет! – засмеялась Анна. – Это он мне помогает.

– Правда? Вы тоже пишете?

«И зачем я только ввязалась в этот разговор?» – подумала Анна.

– Я тоже работаю на телевидении. Но, как правило, переписываю небольшие фрагменты сценариев других авторов. А если что-то не получается, то дома спрашиваю совета у мужа.

Продавец немного подумал и решил, что ответ Анны не стоит внимания.

– В прошлом году, когда шел тот длинный сериал вашего мужа, мы с женой вечером по субботам даже никуда не ходили. И все наши знакомые – тоже. Это было так увлекательно! До этого ничего подобного не показывали.

Анна кивнула и улыбнулась: то был первый большой успех Ричарда.

– После этого мы как раз поженились.

Она вспомнила бюро регистрации браков в Челси рядом с ортопедической клиникой, у которого собрались родители Ричарда, приехавшие с севера страны, мама Анны, прилетевшая из Берлина, и их друзья с Би-би-си, а кузена Отто даже развезло: сам он утверждал, что это от жары, но на самом деле – от шампанского. Потом за Анной и Ричардом приехало такси, и они уехали вдвоем...

– У нас в жизни тоже не было ничего подобного, – сказала она продавцу.

Анна вышла из магазина на Тотнем-Корт-роуд – и мир вокруг нее взорвался светом и шумом. Рядом с магазином строилось новое здание, и пронизанный солнцем воздух дрожал

от гула пневматических дрелей. Один из рабочих – без рубашки, несмотря на октябрьскую прохладу, – подмигнул Анне, когда та проходила мимо. Бульдозер у него за спиной сгребал обломки разрушенного бомбой дома, на стенах которого еще сохранились обрывки обоев и штукатурки. Скоро в Лондоне совсем не останется следов, напоминающих о бомбежках. Давно пора, подумала она. После войны прошло уже одиннадцать лет. Она перешла на другую сторону улицы, где было потише. Здешние магазинчики не претерпели значительных изменений: невзрачные, с разномастными товарами, неизвестно для кого предназначенными. «Вулвортс» тоже мало изменился. Когда они только-только переехали в Англию, спасаясь от преследований гитлеровцев, Анна с мамой как-то зашли сюда. И мама тогда купила себе за шиллинг пару шелковых чулок. А позже, когда папа уже не мог зарабатывать деньги, она была вынуждена покупать только по одному чулку, за шесть пенсов, и ей никак не удавалось подобрать пару – чулки всегда хоть немного отличались по цвету.

– Если бы я хоть раз – хоть раз! – могла купить сразу пару чулок! – жаловалась мама.

И вот теперь Анна покупала дорогой коврик, а мама вернулась в Германию и получала зарплату в долларах – как будто и не было никаких лишений. Только папа не увидел, как все изменилось: он не дожил до этого дня.

Где-то поблизости находилась гостиница, в которой они поселились сразу после приезда в Англию; Анна хотела было отыскать ее, но отказалась от этой идеи. В здание во время налета попала бомба, и, скорее всего, сейчас Анна бы его не узнала. Как-то раз она хотела показать Ричарду другую гостиницу, в Патни, куда они переехали после той бомбежки. Но на ее месте стояли три типовых дома, на одну семью каждый, с одинаковыми лужайками без единого деревца и бестолковыми мощеными дорожками. Единственное, что сохранилось с тех времен, – это скамейка в конце улицы, на которой, греясь на солнышке, иногда сидел и курил трубку папа. Вместо табака он использовал сухие листья и лепестки роз. А на завтрак съедал кусок хлеба, обжаренный на газовой горелке, с размазанной по нему рыбной пастой (ровно одна седьмая часть консервной банки). Если бы папа дожил до этого момента, если бы увидел все это, думала Анна, проходя мимо винного магазина, в витрине которого теснились бутылки, – как бы он радовался! На Оксфорд-стрит сустились субботние покупатели. Может, ей зайти в «Либертиз», взглянуть на лампы? Но тут, когда она проходила мимо остановки, подошел семьдесят третий автобус. Анна заскочила в него, поднялась наверх и села, подставив лицо теплему солнышку. Пока автобус медленно полз в плотном потоке машин, она размышляла о том, как новый коврик будет выглядеть в их крошечной гостиной и что ей надеть сегодня вечером.

Перед магазином «Селфриджиз» толпились люди, разглядывая разноцветную гипсовую фигуру, установленную над центральным входом. «Загляните к нам – вас ждет дядюшка Холли и его гномы!¹» – гласили плакаты в каждой витрине. «Боже мой, – подумала Анна, – люди уже готовятся к Рождеству!»

В Гайд-парке среди тощих платанов двигалась небольшая оживленная процессия, направлявшаяся, очевидно, к Уголку ораторов. Ее участники несли в руках плакаты с надписями: «Русские, прочь из Венгрии!», а кто-то прикрепил к картонке вырезку из утренней газеты с фотографией русских танков под заголовком «Стальное кольцо вокруг Будапешта». Большинство участников шествия, судя по всему, были студентами, а несколько человек в возрасте, в старомодной темной одежде, видимо, были венгерскими беженцами. Один из них, в поношенном пальто, с умным бледным лицом, напомнил Анне папу.

¹ Рождественские персонажи, придуманные специально для магазина «Селфриджиз». (Здесь и далее – прим. ред.)

В районе Найтсбридж поток машин поредел. Автобус проезжал мимо парка Кенсингтон-гарденз, и Анна смотрела, как листья облетают с деревьев и устилают лужайки, где школьники под присмотром учителей играют в футбол и раундерс².

Анна сошла в конце Кенсингтон-Черч-стрит и пошла к дому пешком по засаженным улицам Кэмпден-хилл. Здесь машины ездили редко, а пешеходов было мало. Из-за живых изгородей перед домами доносились ароматные запахи – было время обеда. В коляске спал малыш. Кошки дремали на заборах и тротуарах. И повсюду – листья и листья. Один проплыл в воздухе совсем близко от Анны. Она потянулась и поймала его прямо на лету. «Это к удаче!» – вспомнила Анна детскую примету. Несколько секунд она удерживала его в руке, а потом разжала пальцы и наблюдала, как он, кружась, улегся на землю, вместе с другими листьями.

Они с Ричардом жили в новом доме. Анна дошла до угла, увидела их дом и тут же непроизвольно прибавила шаг. Это происходило с ней каждый раз. Она знала, что это глупо, ведь они женаты уже больше года, но ничего не могла с собой поделать. Анна бросилась через дорогу и взбежала по каменным ступеням красно-кирпичной террасы, столь густо усыпанной листьями, что она чуть не поскользнулась. У входа в квартиру этажом ниже портье разговаривал с мальчиком на велосипеде и, увидев Анну, помахал ей и что-то крикнул... Она не слышала, но не смогла остановиться – слишком быстро бежала. Она не стала ждать лифт и понеслась наверх через две ступеньки, отперла дверь и – наконец-то! – увидела Ричарда.

Он сидел за пишущей машинкой – как и несколько часов назад, когда Анна уходила. Перед ним на столе лежала аккуратная стопка бумаги, а под столом стояла корзина, доверху набитая скомканными листами, часть из них даже вывалилась на пол. В крошечной гостиной за спиной Ричарда виднелись их новенький полосатый диван, красный стульчик, купленный на прошлой неделе, и занавески, сшитые из ткани, рисунок которой Анна придумала еще во время учебы в школе искусств. На фоне этих ярких расцветок волосы Ричарда казались особенно темными, а лицо – утомленным и бледным: нахмурившись, он яростно печатал двумя пальцами.

Обычно Анна не отвлекала мужа от работы. Но сейчас она была слишком счастлива, чтобы ждать. Анна дала ему допечатать строку и сказала:

– На улице просто замечательно! Я обошла весь город и нашла коврик для нашей гостиной.

– Правда? – Ричарду потребовалось некоторое время, чтобы вернуться к реальности из мира, в котором он пребывал.

– Продавец магазина видел все твои телеспектакли. А когда узнал, что я твоя жена, на полном серьезе попросил у меня автограф.

– Это слава! – улыбнулся Ричард.

– Ты добрался до середины?

Ричард, заметила Анна, бросил взгляд на страницу, заправленную в машинку, смирившись с тем, что на время работу придется отложить.

– Думаю, пора пообедать. Так или иначе, я написал большой кусок. – Он встал и потянулся. – Что за коврик? Действительно красный?

Анна принялась расхваливать коврик, но тут в дверь позвонили.

– ...именно то, что мы искали, – сказала она и пошла открывать. Оказалось, это портье.

– Телеграмма.

Она была адресована Анне. В такой день могли прийти только хорошие новости! Анна быстро открыла ее – и тут же все вокруг помертвело.

² Рождественские персонажи, придуманные специально для магазина «Селфриджиз». (Здесь и далее – прим. ред.)

Каким-то странным образом Анна ясно видела Ричарда, хотя глаза ее не отрывались от телеграммы.

– Что там? – услышала она.

Ей показалось, что время замерло и минула целая вечность, хотя на самом деле прошло всего несколько секунд. Она сунула телеграмму Ричарду в руки.

– Ничего не могу понять... Мама никогда не болела... – сказала Анна растерянно.

Ричард положил телеграмму на стол, и Анна снова прочла ее: вдруг она что-то не так поняла?

«У ТВОЕЙ МАМЫ ОПАСНАЯ ПНЕВМОНИЯ ТЧК МОЖЕТ ПОНАДОБИТЬСЯ ТВОЕ ПРИСУТСТВИЕ ТЧК ЗАБРОНИРУЙ РЕЙС ЗАВТРА ТЧК ПОЗВОНЮ ДЕВЯТЬ ВЕЧЕРА»

И подпись: Конрад.

– Она ничем, кроме простуды, никогда не болела, – пробормотала Анна. – Я не хочу в Берлин.

Дай ей волю – она бы сейчас опровергла все, что угодно.

Затем Анна обнаружила, что сидит рядом с Ричардом. Его лицо искажала тревога, и она против всякой логики подумала, что не стоило ей отрывать его от работы... Ричард обнял ее за плечи.

– Речь идет всего лишь о брони. Возможно, лететь не придется. Возможно, когда Конрад позвонит, твоей маме уже будет лучше.

«Конечно... Конечно!» – подумала Анна. Она попыталась вспомнить, что ей известно о Конраде. В течение всех лет знакомства с мамой Конрад производил впечатление более чем ответственного человека. Возможно, он перестраховывается, и к вечеру мама уже будет сидеть в кровати, с возмущением глядя на него своими голубыми глазами: «Ради всего святого, Конрад! И зачем ты только телеграфировал детям?»

– Как ты думаешь, Конрад и Макс отправил телеграмму? – спросила Анна.

Макс, брат Анны, находился в Греции.

Ричард неопределенно покачал головой:

– Кто знает! – А потом внезапно добавил: – Хочешь, я полечу с тобой?

Его предложение и тронуло, и испугало Анну.

– Конечно нет. Тебе надо работать над сценарием!.. И что бы ты делал в Берлине?

Ричард поморщился:

– Если бы я говорил по-немецки...

– Я не об этом. Ведь ты понимаешь: там ты вообще не мог бы писать. Кроме того, это моя мама и за нее отвечаю я.

– Наверное...

В итоге Анна позвонила в авиакомпанию «Пан Американ». Там были очень любезны, когда она объяснила ситуацию, и сказали, что забронируют для нее место. После этого поездка стала практически решенным делом, и Анне вдруг захотелось расплакаться.

– Знаешь, – сказал Ричард, – тебе надо выпить.

Он налил Анне виски, который они держали для гостей, и она выпила его залпом.

– И поесть, – добавил Ричард.

Когда они с сэндвичами и кофе уселись в маленькой гостиной, Анне стало заметно лучше.

– И все-таки мне непонятно, – проговорила она, сжимая в ладонях теплую кружку (это действовало успокаивающе). – Мне кажется, по нынешним временам, когда у людей пневмония, врачи колют им пенициллин. Разве в Германии до сих пор нет антибиотиков?

– Должны быть.

– В любом случае в Америке точно есть. А ведь мама работает у американцев... И как это она вдруг подхватила пневмонию?

Ричард немного подумал:

– Кажется, она писала в последнем письме, что они отправляются куда-то на корабле? Может, там что-нибудь случилось: она промокла, замерзла, не сменила одежду...

– Конрад заставил бы ее.

На мгновение Анна представила себе Конрада – большого и надежного – и маму, которая смеется и восклицает:

– Это всего лишь кусочек воды!

Мама всегда говорила «кусочек воды» – одна из немногих ошибок, которую она допускала в английской речи. Но, возможно, наедине они с Конрадом говорят по-немецки. Анну поразила эта мысль: а ведь она не знает, на каком языке мама и Конрад разговаривают друг с другом!

– Хорошо бы найти это письмо, – сказала Анна и вдруг вспомнила: – Кажется, я на него не ответила...

– Оно пришло недавно, правда?

– Не помню...

То письмо мало чем отличалось от большинства маминых писем: подробный отчет о небольших достижениях в работе и социальной жизни. Именно ее выбрали для рабочей поездки на несколько дней в Ганновер; их с Конрадом пригласили на День благодарения к американскому генералу. Единственное упоминание о путешествии на корабле было связано с погодой: было довольно прохладно, и вместо купания Конрад с мамой много играли в бридж. Это было ровно месяц назад...

– Неважно, милая, – заметил Ричард. – Вечером поговоришь с Конрадом, и, если дела обстоят серьезно, увидишься утром с мамой.

– Да, конечно. – Но Анна все еще волновалась. – Я хотела ей написать! Но квартирные хлопоты, новая работа...

Анне почему-то казалось, что ее письмо могло защитить маму от пневмонии.

– Никто не может заболеть пневмонией из-за игры в бридж, – заметил Ричард. – Даже твоя мама.

Анна засмеялась: а ведь и правда! Мама вечно доводила все до абсурда.

Анне вдруг непонятно почему вспомнилось – тогда они только переехали в Англию, – как мама решила купить ей ботинки. Пришлось пройти пешком всю Оксфорд-стрит, от Тот-нем-Корт-роуд до Марбл-арк, заходя по дороге во все магазинчики. Скоро стало понятно, что во всех этих «Долкис», «Лиллис и Скиннерс» и «Мансфилд» продается одна и та же модель. Но мама продолжала настаивать, что где-то, возможно, есть ботинки намного лучше и дешевле всех прочих. А когда они наконец купили точно такую же пару, что видели в самом начале, мама заявила:

– Зато мы, по крайней мере, знаем, что ничего не упустили.

Мама терпеть не могла что-нибудь упускать, реальное или воображаемое, – от пары дешевых ботинок до солнечного дня.

– Она романтик, – сказала Анна. – И всегда такой была. Папа тоже был романтиком, но на свой лад.

– Меня всегда поражало, что эмигрантская жизнь для твоей мамы была гораздо нестерпимее, чем для твоего отца. По крайней мере, судя по твоим рассказам, – заметил Ричард. – А ведь твой отец был писателем и действительно все потерял: и деньги, и известность, и язык, на котором писал. – Ричард разволновался – как всегда, когда заговаривал о папе. – Я вообще не понимаю, как можно после этого жить.

На мгновение Анна ясно представила себе папу: вот он сидит в обшарпанной комнатухе за разбитой пишущей машинкой и улыбается ласково и в то же время иронично, без тени жалости к самому себе. Анна неохотно позволила видению рассеяться.

– Наверное, это странно звучит, – сказала она, – но папа, мне кажется, относился к происходившему даже с каким-то интересом. А маме пришлось иметь дело с бытовыми проблемами. И для нее это было тяжело.

Когда папа больше не мог зарабатывать, обеспечивать семью пришлось маме: она пошла работать секретаршей. Мама не умела ни печатать, ни стенографировать, но тем не менее как-то умела без этого обойтись: записывала близко к тексту то, что ей диктовали. Она справлялась, но все это было ей ненавистно. Мама с Анной жили вместе в одной комнатухе гостиницы лондонского пригорода Патни, и ночами мама то и дело пускалась перечислять, чем в жизни она хотела бы заниматься, «и вот теперь этого уже никогда не будет». Иногда по утрам, собираясь на свою скучную работу, мама испытывала такую ярость, такое отчаяние, что от нее словно поднимался пар. Анна вспомнила, как один из маминых работодателей, человек с прилизанными волосами, занимавшийся продажей поношенных вещей, уволил маму: мол, его утомляет само мамино присутствие. Мама, вернувшись домой, расплакалась. Анна чувствовала себя беспомощной и виноватой, как будто могла что-то изменить!

– Какая досада, что мама заболела именно сейчас, – сказала Анна Ричарду, – когда у нее наконец все так хорошо устроилось...

После обеда Ричард вернулся к рукописи. Анна убрала со стола и принялась собирать вещи на случай, если все же придется лететь в Берлин. По какой-то неясной причине сама мысль об отъезде ужасала ее. «Ну почему? – думала она. – Почему все во мне противится этому?» Ей не верится, что мама серьезно больна, – вот почему. Или она боится возвращаться. Куда? В Берлин? К маме? Какие глупости! Как будто Анну могут оставить там навсегда...

Когда Анна вернулась в комнату, Ричард смял очередной лист бумаги и отправил в мусорную корзину.

– Ничего не выходит. Слишком многое отвлекает. – Он взглянул на часы: – Чем бы ты хотела заняться до звонка Конрада?

Что-то щелкнуло у Анны в голове.

– Боже! – воскликнула она. – Мы же собирались пойти к Диллонам. Я совершенно забыла! Надо срочно им позвонить.

– К Диллонам? О! Пить с начальником! – Ричард сделал протестующий знак рукой, когда Анна потянулась к телефонной трубке. – Не надо ничего отменять. Ему в любом случае придется сказать, если тебе потребуется лететь в Берлин.

Джеймс Диллон был начальником отдела драмы Би-би-си, и приглашение означало, что Анну собираются перевести с должности редактора на должность сценариста.

– Но мы должны быть дома, когда позвонит Конрад.

– Это в паре кварталов отсюда, и у нас уйма времени. Пойдем, – сказал Ричард. – Всё лучше, чем сидеть взаперти и хандрить.

Когда они вышли, уже стемнело. Из-за моросящего дождя внезапно похолодало. Анна запахла пальто поплотнее и просто доверилась Ричарду, который вел ее через лабиринт тихих улочек. Ричард раньше бывал у Диллонов, а Анна – еще ни разу. Это Диллону пришлось в голову повесить Анну. Но изначально ее побудил писать Ричард. Когда они впервые встретились, Анна дала ему прочитать рассказ, который написала между созданием картин (рисование она считала своей настоящей профессией).

– Это хорошо, – решил он. – Ты должна писать!

Но, хотя Анна подбирала слова с легкостью («Это гены», – сказал Ричард), ей казалось, что это занятие сродни шарлатанству: ведь в душе Анна считала себя художницей. Однако никто не горел особым желанием покупать ее картины, а вот получить работу на телевидении, пусть и не слишком ответственную, не составило для нее труда. К тому моменту, когда они с Ричардом поженились, Анна редактировала пьесы, а теперь ее собирались официально

назначить сценаристом. Все случилось настолько внезапно, что она продолжала относиться к сценарной работе как к чему-то из мира Ричарда.

– Надеюсь, я справлюсь, – проговорила она. – А какая у Диллона жена?

– Она милая. Не беспокойся.

Анна и Ричард дошли до конца узкой улочки и сразу услышали шум шагов и голосов. Свернув на залитую светом Ноттинг-Хилл-гейт, они сразу очутились в толпе. Несмотря на усилившийся дождь, люди заняли тротуар чуть ли не до самой сточной канавы и двигались медленно, но решительно в одном направлении. Двое полицейских пытались сохранять расстояние между толпой и проезжающими автомобилями. Анну и Ричарда подхватило и повлекло с остальными.

– Кто это? – спросил Ричард.

Они с Анной рассматривали плывущие в темноте над ними блеклые, написанные от руки плакаты.

– Видимо, опять венгры, – ответила Анна. – Сегодня утром я видела шествие в Гайд-парке.

Толпа вдруг замедлила ход и почти перестала двигаться. Затор вызвала шумная компания, выкатившаяся из паба напротив. Одна крупная, очевидно, подвыпившая женщина чуть не споткнулась и громко выругалась:

– Кто это тут, черт возьми?

– Проклятые венгры, – ответил один спутников.

Человек с плакатом неподалеку от Анны, пожилой, в темной одежде, по ошибке принял этот «обмен мнениями» за интерес к происходящему и повернулся к говорившим.

– Русские убивают наш народ, – произнес он с сильным акцентом, с трудом подбирая слова. – Каждый день умирают многие сотни. Пожалуйста, англичане! Вы нам помочь...

Женщина непонимающе уставилась на него.

– Думаешь, мы хотим новой войны? – закричала она. – Думаешь, нам очень нужно, чтобы на головы наших детей снова падали бомбы из-за каких-то чертовых иностранцев!

Толпа двинулась снова. Между Анной и краем тротуара возникло пространство.

– Давай сюда! – воскликнул Ричард и вытянул Анну из толпы.

Под проливным дождем они перебежали через Ноттинг-Хилл-гейт, потом прошли темными извилистыми переулками и наконец очутились перед домом с высокой террасой. Ричард позвонил в колокольчик. Анна едва успела разглядеть заросший садик перед парадным входом и, кажется, детскую коляску под навесом, как дверь отворила стройная миловидная женщина с копной светлых волос.

– Ричард! – воскликнула женщина. – А вы, должно быть, Анна? Меня зовут Элизабет. Как замечательно! Мы давно хотели с вами увидеться!

Она повела гостей через узкий коридор, ловко огибая большого, слегка облысевшего плюшевого медведя и прислоненный к стене детский скутер.

– Столкнулись с демонстрацией? – спросила Элизабет, когда они поднимались по узким ступенькам. – Венгры целый день протестуют перед русским посольством. Бедные люди! Удачи им!

Она неожиданно свернула куда-то вбок, в кухню, завешанную выстиранным бельем. Там сидел маленький мальчик и ел хлопья в компании морской свинки, примостившейся рядом с его тарелкой.

– Джеймс считает, никто и пальцем не шевельнет ради них. Так уже было во время Мюнхенского сговора, – сказала Элизабет едва поспевающим за ней Анне и Ричарду. И тут же, не переводя дыхания, обратилась к мальчику: – Дорогой, не забудь посадить Патрицию в клетку. Помнишь, как ты расстроился, когда папа чуть на нее не наступил?

В ненадолго установившейся тишине, пока Элизабет перекладывала кубики льда из холодильника в стеклянную миску, стали отчетливо слышны доносившиеся откуда-то сверху звуки двух разных мелодий, игравших одновременно, и безудержный детский смех.

– Боюсь, у девочек нет музыкального слуха, – заметила Элизабет и добавила: – Конечно, никто не хочет третьей мировой войны.

Когда они выходили из кухни, Анна увидела, что морская свинка влезла передними лапами в тарелку и чавкала, поедая хлопья. А мальчик сказал им вслед:

– Патриция не виновата. Папа не смотрел под ноги!

В соседней угловой комнате, служившей гостиной, их ждал Джеймс Диллон; его профиль римского императора смотрелся забавно в сочетании со старым свитером вместо привычного в студии полосатого костюма.

Когда все расселись с напитками в руках, Джеймс поцеловал Анну, обнял Ричарда за плечи и поднял свой бокал:

– За вас! За новый сериал Ричарда (уверен, он будет так же хорош, как и предыдущий) и за новую работу Анны!

Это был сигнал, которого, нервничая, ждала Анна.

– Боюсь, мне не удастся приступить прямо сейчас, – поспешно сказала она и объяснила: у нее заболела мама.

Диллоны отнеслись к новости с пониманием. Джеймс сказал, чтобы Анна ни о чем не беспокоилась: пусть берет отпуск на столько дней, сколько потребуется. Элизабет сказала, что очень сочувствует Анне, но сейчас, с появлением пенициллина, пневмония уже не так опасна, как раньше, – и спросила:

– А чем твоя мама занимается в Берлине?

– Ты же родом оттуда, так? – уточнил Джеймс.

– Мама переводит документы для Американских оккупационных сил, – объяснила Анна. И да – до того, как им пришлось бежать от нацистов, их семья жила в Берлине, ей тогда было девять лет. Я не видела всех этих ужасов, – быстро добавила она, заметив тревогу в глазах Элизабет. – Мои родители успели вывезти нас до того, как все началось. Нам с братом было даже интересно. Перед тем как приехать сюда, мы жили в Швейцарии, потом – во Франции. Нам нравилось ходить в разные школы и учить разные языки. А вот родителям, конечно, было нелегко, особенно отцу. Ведь он был писателем.

– Ужасно, – покачал головой Джеймс.

А Элизабет спросила:

– Где сейчас твой отец?

– Он умер вскоре после войны, – ответила Анна и неожиданно почувствовала себя совершенно незащищенной. Что-то всколыхнулось в ней, и она заговорила быстро-быстро, желая удержать свои чувства внутри: – В Гамбурге. Наверное, это выглядит странно: ведь папа не был в Германии с тех пор, как мы оттуда уехали... Но Британская контрольная комиссия³ обратилась к нему с просьбой написать о возрождающемся немецком театре. До прихода Гитлера к власти папа был известным театральным критиком, и, я думаю, там решили, что это будет полезно для поднятия духа немецкого общества, – бормотала Анна скороговоркой.

Анна запнулась, но Диллонов, как она поняла, история захватила, и ей пришлось продолжать.

– Папу отправили в Берлин на самолете. До этого он никогда не летал, но ему понравилось. Думаю, он не знал, что ждет его по прилете. У самолета отца встречали фотографии и

³ Британская контрольная комиссия – один из органов Союзнической контрольной комиссии, осуществлявшей в переходный период после окончания Второй мировой войны контроль над Германией и странами – бывшими союзниками гитлеровской Германии.

репортеры. В честь него дали торжественный ужин. Потом повезли показывать город. А когда вечером он пришел в театр, весь зал поднялся и стал ему аплодировать. Думаю, для него все это оказалось чересчур. – Анна взглянула на Ричарда, внезапно усомнившись, стоит ли продолжать. – С ним случился удар, и спустя несколько недель он умер. Мама была рядом с ним... а мы... мой брат и я...

Ричард накрыл ее руку своей:

– Я жалею, что не знал его. И не читал его вещей. Мне кажется, их невозможно перевести.

Джеймс наполнил бокал Анны, и Диллоны тактично сменили тему разговора: заговорили о переводах вообще и о последней французской пьесе в частности.

Анна была благодарна Ричарду за то, что он держал ее за руку, и за возможность не принимать участия в беседе. Что это она так расчувствовалась! В конце концов, это случилось много лет назад. Но воспоминания не отпускали ее. Она видела папин гроб, накрытый английским флагом. Ей объяснили, что так принято, когда англичанин умирает за границей. Странно! Ведь папа так и не научился как следует говорить по-английски, да и англичанином официально стал только в последний год своей жизни. В ледяном зале немецкие музыканты играли Седьмую сонату Бетховена, которую папа очень любил. Вместе с Максом и местным журналистом гроб несли британские солдаты.

Как папа и представлял себе.

Если бы умерла мама, все было бы по-другому... Но мама, безусловно, не может умереть. Она очень сильная. Анна вдруг ясно вспомнила маму, когда они с Максом, потрясенные случившимся, приехали к ней в Гамбург, тогда совершенно разоренный, и пили чай в спальне – единственной отапливаемой комнате в их номере.

– Bitte etwas Tee!⁴ Я должна вам кое-что рассказать. О папе, – сказала мама.

«Что еще можно добавить к тому, что папа умер?» – подумала Анна.

Мама заговорила о том, что папа не смог преодолеть последствия инсульта. Но об этом они и так знали. О немецких врачах, о том, что тогда за пачку сигарет можно было достать все, что угодно...

«Что... – подумала Анна. – Что?!»

– Он был парализован и страдал от боли. Он чувствовал, что уже не способен мыслить так же ясно, как прежде. Я обещала ему помочь, если с ним такое случится.

Судорожный вздох Макса – мама бросает на него быстрый взгляд...

– Я сделала то, о чем он просил. Я ему помогла.

Она произнесла таким будничным тоном, что до Анны не сразу дошел смысл сказанного.

– Он этого хотел, – глядя на них, повторила мама, пусть и бледная, но непоколебимая в своей правоте.

– Мы с ним даже не попрощались, – с трудом выдавил Макс.

Говорила ли что-нибудь она сама, Анна не помнила. Но она была полностью уверена: мама поступила правильно.

Анна заметила, что Ричард смотрит на нее и, как всегда, понимает, о чем она думает. Анна ответила ему благодарным взглядом и постаралась вслушаться в беседу, которая перешла от какой-то французской пьесы к ее автору. Джеймс Диллон отпустил какую-то остроту, и все рассмеялись. Элизабет, удобно устроившись на стуле, отбросила со лба непослушную прядь волос.

«Я здесь единственная, с кем могут случаться подобные вещи. А я этого не хочу. Я хочу быть как все...»

– Конечно, французская система образования...

⁴ Пейте, пожалуйста, чай! (нем.)

– А как это воспринимает ребенок, живущий в Париже?

Анна поняла, что Элизабет адресовала свой вопрос к ней.

– В Париже? О... – Анна сделала над собой усилие и стала рассказывать о своей школе, о мадам Сократ – учительнице, которая помогла ей выучить французский, о тамошних друзьях, о загородных поездках и праздновании 14 Июля, Дня взятия Бастилии.

– Я так любила все это, – сказала Анна и поняла, что улыбается.

– Еще бы! – согласился, поднимаясь с места, Джеймс Диллон. Анна увидела на его лице классическое выражение заведующего отделом драмы Би-би-си. – Мы поступим так. Если в этом будет необходимость, ты поедешь к маме и сделаешь то, что от тебя требуется. А когда вернешься назад, займешься переработкой материала, о котором мы говорили. Но мне бы хотелось, чтобы ты подумала и над какой-нибудь собственной вещью.

Впервые с момента встречи Анна вся обратилась в слух:

– Над моей собственной?

– Почему нет? Пусть не очень большой, но собственной. – Джеймс повел своими поразительно густыми бровями. – Может выйти что-нибудь интересное.

Думать о возвращении из Берлина было гораздо приятнее, чем об отъезде. Анна даже постаралась заглушить в себе сомнения в том, что способна написать нечто самобытное.

– Хорошо, – сказала она. – Хотя я не совсем уверена...

– Подумай об этом, – кивнул Джеймс.

Добавить что-то к сказанному Анна не смогла из-за появления мальчика, прижимавшего к груди морскую свинку. Поздоровавшись, он прошлепал к маме, чтобы та его обняла. Потом он что-то шепнул ей на ухо, ему сказали, что шептаться некрасиво, и он громко спросил: «Можно Патриции чипсы?»

– Разве она любит чипсы? – спросила Элизабет.

– Не знаю. Это... – Он наморщил свой лобик в поисках нужного слова, и оно нашлось: – Эксперимент!

Малышу выдали немного картофельных чипсов с общего блюда, и все стали наблюдать, как морская свинка понюхала их, а потом начала грызть в углу комнаты.

– Ей понравилось, – отметил довольный мальчик.

– Пойди принеси блюдечко, – сказала Элизабет. – И у вас с Патрицией будет собственная порция чипсов.

– Ладно. – Он подхватил свинку. – Пойдем, Патриция. У тебя сейчас будет... – Он запнулся, но когда подошел к двери, все услышали его счастливый голос: – Банкет!

– Какой богатый словарный запас, – отметил Ричард. – Сколько ему?

– Шесть, – ответила Элизабет.

Малыш, очевидно, был для них светом в окошке.

– Он любит слова, – сказал Джеймс. – Научился читать, когда ему было четыре. Сейчас пробует писать рассказы.

– Большая часть из них – о Патриции, – улыбнулась Элизабет. – Готова спорить, вы не знали, что морские свинки умеют управлять самолетами. – Она умолкла, потому что вернулся мальчик. Элизабет помогла ему насыпать в блюдечко чипсы. И тут ее поразила какая-то мысль. Она повернулась к Анне: – Но ведь вы в его возрасте говорили только по-немецки. Это просто невероятно! А сейчас тоже говорите?

– Немного, – ответила Анна. – Я почти забыла язык.

Элизабет передала блюдечко сыну и сказала:

– Эта дама забыла почти все слова, которые знала в твоём возрасте, представляешь? А вместо этого она выучила совершенно другие слова.

Малыш недоверчиво посмотрел на Анну:

– Я бы не смог.

– Чего не смог? – спросил Джеймс.

– Забыть.

Все уставились на него с удивлением.

Мальчик набрал побольше воздуха:

– Я бы не смог забыть все слова, которые знаю. Даже если бы... даже если бы я выучил миллион триллионов новых слов. Я всегда буду их помнить.

– Даже если бы ты оказался в таком месте, где никто-никто не говорит по-английски? – спросил Джеймс. – Даже тогда?

– Я бы все равно помнил, – сказал мальчик.

Его отец улыбнулся:

– Ты уверен?

– Я бы помнил Патрицию. – Он крепче прижал морскую свинку к груди. – Больше того! – заявил он, торжествуя. – Я бы помнил о ней по-английски!

Все рассмеялись. Ричард поднялся и сказал, что им пора домой. Но тут раздался шум, и на лестничной площадке появилась девочка лет девяти, с трудом держа на руках большого невозмутимого младенца.

– Он хочет есть, – объявила девочка.

Девочка чуть помладше, идущая за ней, тут же закричала:

– И я хочу!

Обе захихикали, и их познакомили с Анной, которая как раз прощалась с их родителями. В суе младенца оказался на полу, в компании морской свинки. Элизабет взяла его на руки, и он тут же принялся сосать рукав ее платья.

Джеймс проводил Анну с Ричардом до двери.

– Удачи! – пожелал он, стараясь перекрыть детские «до свидания». – И подумай над тем, что я сказал.

Анна вышла, а перед глазами у нее все стояла картина: Элизабет на верхней ступеньке лестницы с младенцем на руках.

– Я же говорил, она замечательная, – повторил Ричард, когда они зашагали по дороге.

Анна кивнула. Дождь перестал, но совсем недавно, и тротуары еще были мокрые.

– Думаешь, я смогу написать что-нибудь свое? – сказала Анна. – Попробовать интересно. Если мне придется лететь к маме, то, наверное, ненадолго.

– Возможно, всего на несколько дней.

Ноттинг-Хилл-гейт опустела. Демонстрантов, без сомнения, разогнал ливень, и они разошлись по домам. Рваный плакат, валявшийся в луже, служил единственным напоминанием о них.

– Знаешь, почему мне так неприятна мысль о поездке в Берлин? – спросила Анна, обходя лужу. – Может, это и глупо, но я опасаясь русских. Вдруг они захватят весь Берлин и запретят выезжать оттуда? И я окажусь в ловушке... Но ведь им не дадут, правда?

Ричард отрицательно покачал головой:

– Это равносильно началу войны с Америкой.

– Да, конечно. Но мне все равно страшно.

– Тебе было страшно, когда вы бежали из Германии?

– Может, это нелепо звучит, но тогда я толком не понимала, что происходит. Помню, что на границе я что-то сморозила, а мама велела мне умолкнуть. Благодаря маме все казалось в порядке вещей. – Они лавировали между лужами. – Надо мне было ответить на ее письмо!

По возвращении домой Анна ощутила прилив хозяйственности.

– Нужно составить список необходимых дел, например доставка коврика... Да! Что ты будешь есть, пока меня не будет? Вечером я что-нибудь приготовлю. А ты потом разогреешь.

Анна составила список, решила, что приготовить, и к тому времени, когда Конрад должен был позвонить, чувствовала себя готовой к любому повороту событий. Усевшись рядом с телефонным аппаратом, она мысленно перебирала вопросы, которые нужно задать, и ждала. Конрад позвонил точно в девять. Сначала Анна услышала гул немецких голосов, а потом – голос Конрада, на удивление спокойный.

– Как мама? – спросила Анна.

– Без изменений, – ответил Конрад, а дальше, видимо, последовала заготовленная речь: – Думаю, тебе надо прилететь завтра утром. Кто-то из ее близких должен быть здесь.

– Конечно, – и Анна сообщила номер своего рейса.

Конрад сказал, что встретит ее.

Ричард, стоявший рядом, спросил:

– А что Макс? Он звонил Максусу?

– Ах да... – сообразила Анна. – А что Макс?

Конрад ответил, что еще не звонил ему («Значит, ничего страшного», – решила Анна), но позвонит утром, если будет необходимость.

– Дорогая моя, – продолжал Конрад узнаваемо заботливым тоном, – надеюсь, тебя это не слишком сильно расстроило. Приношу свои извинения за вторжение в вашу семейную жизнь. Надеюсь, все быстро уладится.

Она и забыла, что Конрад всегда подчеркивает: Анна и Ричард – семья. Это было приятно, и настроение Анны внезапно улучшилось.

– Всё в порядке, – заверила она. – Ричард передает тебе привет.

Анна хотела спросить о чем-то еще, но о чем – у нее совершенно вылетело из головы.

– Да... А как это мама умудрилась подхватить пневмонию?

В трубке возникла пауза, и Анна решила, что Конрад не расслышал вопроса. Но потом он ответил. И несмотря на все помехи, связанные с расстоянием, Анна почувствовала, что голос его изменился.

– Мне жаль, – сказал он сухо. – Твоя мама приняла смертельную дозу снотворного.

Воскресенье

Анна шла очень медленно – такая тяжесть была в ногах. Стояла жара, на улице – ни единой души. Вдруг мимо быстро прошла мама в голубой шляпке с вуалью и бросила на ходу: «Задерживаться не могу: играю с американцами в бридж». Мама вошла в какой-то дом и исчезла – а дом Анна даже не разглядела. Ей было грустно, что она осталась на улице одна. А воздух с каждой минутой становился все горячее и тяжелее.

Утром не должно быть так жарко, думала Анна. Она точно знала, что сейчас еще рано, потому что Макс еще спит. Он убрал переднюю стену дома, чтобы тот остыл, и теперь сидел в гостиной с закрытыми глазами. Рядом с ним на стуле сонно моргала его жена Венди с младенцем на руках. Она смотрела на Анну, ее губы двигались. Но звуки не пробивались сквозь толщу вязкого воздуха. Анна ничего не могла расслышать и поэтому пошла прочь по раскаленной безлюдной улице, и впереди ее ждал душный бессмысленный день.

«Почему я так одинока? – думала Анна. – Существует, уверена, кто-то родной и близкий...» Но кто именно – она не помнила. Воздух был настолько тяжелым, что Анна едва дышала. Она попыталась оттолкнуть этот воздух руками. «Да, у меня кто-то был... Я уверена: был!» Анна пыталась вспомнить имя этого человека, но в голове было пусто. Она ничего не помнила – ни имени, ни лица. Не помнила даже голоса.

Нужно вспомнить, убеждала она себя. Ведь он существует, точно! Только спрятан в какой-то складочке ее памяти. А без него не может быть ничего хорошего. Ничего хорошего без него не произойдет!

Но воздух слишком давил: свивался вокруг нее, наваливался на грудь и веки, забивался в ноздри и рот. Еще чуть-чуть – и вспомнить будет уже невозможно...

«У меня кто-то был! – закричала Анна, стараясь пробить толщу воздуха. – Я точно знаю, был!» – и обнаружила, что лежит в кровати со сбитыми одеялами и простынями, а подушка закрывает ей пол-лица.

А рядом – Ричард, и он говорит:

– Всё в порядке, любимая. Всё в порядке!

Некоторое время Анна лежала без сил, чувствуя близость Ричарда, и ужас постепенно слабел и отпускал ее. Знакомая комната, очертания стула, комод, слабые отблески зеркала в темноте – все это Анна не столько видела, сколько ощущала.

– Мне приснился кошмар, – сказала она.

– Я знаю. Ты чуть не сбросила меня с кровати.

– Тот самый, когда я не могу тебя вспомнить.

Ричард обнял ее:

– Я с тобой.

– Да.

В свете отблесков уличного фонаря Анна видела лицо Ричарда – усталое, обеспокоенное.

– Ужасно страшный сон, – повторила она. – Как ты считаешь, откуда он? Как будто оказываешься в западне у времени и не можешь вернуться обратно.

– Возможно, это причуды работы мозга. Одна его часть что-нибудь вспоминает, другая секундой позже подавляет воспоминание. Похоже на дежавю, только наоборот.

Объяснение не устроило Анну.

– Как будто я увязла в прошлом...

– Ну как такое возможно?

– Вот так. Я действительно не могла тебя вспомнить. А если бы я застряла в том времени, когда не знала английского? Тогда бы мы с тобой не смогли разговаривать!

– Ну, в таком случае мы бы столкнулись с другой проблемой. Ведь тебе было бы лет одиннадцать, так?

Анна в ответ рассмеялась, и уже отступивший кошмар потерял свою силу. От недосыпания она чувствовала себя совсем разбитой, и наконец впервые вспомнила о предстоящем дне:

– Боже... Мама!

Ричард обнял ее.

– Думаю, эта тревога наложилась на то, о чем ты почти забыла, – на твои детские переживания, связанные с потерями – и людей, и мест, где ты когда-то жила.

– Бедная мама. Знаешь, она такая хорошая!

– Да.

– Господи, ну почему я не ответила на ее письмо! – В просвете между шторами виднелось черное небо. – Который час?

– Всего шесть утра.

В темноте Анна видела встревоженное лицо Ричарда.

– Я уверен, это неважно – ответила ты или нет. Тут должны быть другие причины. Что-то ее растревожило или сильно расстроило.

– Думаешь? – Анне хотелось верить.

– Может, она подумала о твоём отце – о том, как он умер. Подумала: почему бы и мне так не сделать...

Нет, это было не так.

– Папа – это совсем другое. Он был стар, пережил два инсульта. А мама... Господи! Ведь у кого-то родители умирают естественной смертью. – Анна уставилась в темноту. – Я боюсь, что и Макс, наверное, ей не ответил. А если и ответил, письмо из Греции могло еще не дойти.

– Но это не повод для суицида.

С улицы донеслось цоканье лошадиных копыт и позвякивание бутылок: тележка молочника остановилась у соседнего дома. Вдалеке проехала машина.

– Видишь ли, все эти годы мы были так близки, – проговорила Анна. – И могло ли сложиться иначе, когда нам то и дело приходилось переезжать из одной страны в другую и все было против нас? Мама не раз говорила: если бы не мы с Максом, то и жить бы не стоило. Она сумела вытащить нас, сумела сплотить семью.

– Я знаю.

– Ну почему я ей не написала!

Ричард поехал с ней на автобусе в аэропорт. Они попрощались в гулком зале ожидания, где сильно пахло краской, и спокойно расстались, как Анна и планировала.

Но тут совершенно внезапно, когда она доставала паспорт, чтобы предъявить для проверки, на нее накатило отчаяние. К ужасу Анны, из глаз у нее полились слезы. Мокрыми стали и щеки, и шея, и даже воротник блузки. Она не могла двинуться с места – только стояла, как слепая, и ждала, когда Ричард к ней подойдет.

– Что с тобой? – воскликнул он.

Но Анна не знала, что с ней.

– Всё в порядке, – сказала она. – Правда!

Ну зачем она пугает Ричарда!

– Это всё от недосыпания. И у меня скоро месячные. Ты же знаешь: я всегда плачу, когда должны прийти месячные.

Анна произнесла это так громко, что какой-то мужчина в котелке обернулся и удивленно взглянул на нее.

– У меня еще есть возможность полететь с тобой, – сказал Ричард. – Возьму билет на более поздний рейс. Или на завтра.

– Нет-нет, не надо. Со мной всё в порядке, правда! – Анна поцеловала Ричарда, потом схватила паспорт и поспешила уйти. – Я тебе напишу! – крикнула она на бегу.

Анна понимала, что это глупо, но у нее было чувство, будто она покидает Ричарда навсегда.

Однако в самолете ей стало заметно лучше.

До этого Анна летала всего два раза, и возможность смотреть на мир сверху все еще вызывала у нее восторг: игрушечные домики и поля, крохотные, едва ползущие автомобильчики... Какое все-таки облегчение – оказаться вдалеке от всего и знать, что до Берлина еще несколько часов лету. Анна смотрела в окно и думала только о том, что видела. Потом, когда самолет преодолел половину пути над Северным морем, появились облака. Внизу все затянуло серой пеленой, а сверху было лишь пустое яркое небо. Анна откинулась на спинку кресла и стала думать о маме.

Забавно, думала она: маму всегда вспоминаешь в движении. Брови хмурятся, губы шевелятся. Вот мама стискивает в нетерпении руки, вот убирает на место платье, вот яростно пудрит свой крошечный курносый носик. Мама никогда никому не доверяла дел, имевших к ней отношение, – всегда все контролировала. И даже тогда считала, что можно было сделать и лучше.

Однажды во время очередного визита в Англию мама привела Конрада к Анне на обед. Анна приготовила единственное блюдо, которое умела: много риса, в который добавлено все, что попало под руку. В тот раз среди ингредиентов были мелко порубленные сосиски. И Конрад вежливо заметил, что они очень вкусные.

– Сейчас я положу тебе добавку, – тут же заявила мама, схватила миску с рисом и, к раздражению Анны, стала копаться в нем, выуживая кусочки сосисок.

Как у человека, помешанного на каждодневных мелочах, может вдруг возникнуть желание прервать свою жизнь? Не то чтобы мама никогда об этом не говорила. Но это было много лет назад в Патни, когда они с папой чувствовали себя совершенно надломленными. И даже тогда слова мамы никто не принимал всерьез. Ее возгласы «Как бы я хотела умереть!» и «Почему я еще жива?» звучали так часто, что и Анна, и папа научились не замечать их.

А когда обстоятельства изменились к лучшему, когда бесконечные заботы о деньгах отступили, мамино жизнелюбие тут же к ней вернулось – папе с Анной оставалось лишь удивляться, насколько быстро это произошло. Мама писала длинные восторженные письма из Германии: она везде бывала, все видела. Она так замечательно переводила для американцев из Контрольной комиссии, что ее стали очень быстро повышать по службе: перевели из Франкфурта в Мюнхен, а из Мюнхена – в Нюрнберг. Она ухитрялась прилетать домой на американских военных самолетах и всем привозила подарки: папе – американский виски, Анне – нейлоновые чулки, Максу – настоящие шелковые галстуки. И мама пришла в восторг, когда Контрольная комиссия наконец решила отправить папу в официальную командировку в Германию.

«Гамбург... Будем ли мы пролетать над Гамбургом?»

Она взглянула на плоскую землю, то и дело мелькавшую в разрывах между облаками. «Странно, но где-то там, внизу, должна быть папина могила. Если мама умрет, ее надо похоронить рядом с ним, – решила Анна. – Если она умрет, – с внезапным раздражением подумала она, – тогда я буду ребенком родителей-самоубийц».

Что-то звякнуло: на откидной столик перед Анной поставили чашку, и она увидела рядом стюардессу.

– Я подумала, вы не откажетесь от кофе, – сказала стюардесса.

Анна с благодарностью отпила глоток.

– Я слышала, в вашей семье кто-то заболел, – сказала девушка с американским акцентом. – Очень вам сочувствую. Надеюсь, в Берлине вы обнаружите, что дела обстоят гораздо лучше, чем вы ожидали.

Анна поблагодарила стюардессу и стала смотреть на сияющее небо наверху и тающие облака внизу. «А чего я ожидаю?» – спросила она себя. Конрад всего лишь сказал, что мамино состояние остается без изменений. Но о каком состоянии идет речь? В любом случае так было прошлой ночью. А что сейчас...

«Нет, она не умерла! Случись это, я бы почувствовала...»

Самолет подлетал к Берлину, и Анна старалась представить встречу с Конрадом. Узнать его несложно: он полный и высокий – возвышается над всеми остальными. Если дает о себе знать спина, что случается нередко, Конрад будет опираться на трость. Он улыбнется ей своей странной кривоватой улыбкой и скажет что-нибудь обнадеживающее. И будет невозмутим. Анна всегда представляла себе Конрада невозмутимым. Иначе он бы не смог остаться в гитлеровской Германии и в качестве адвоката-еврея защищать других евреев.

Он оставался невозмутимым даже тогда, когда его отправили в концлагерь. Спокойный, уравновешенный, Конрад пробыл в лагере несколько недель, пока друзья не вызволили его оттуда. Ничего ужасного с ним не случилось. Но он никогда не рассказывал о том, что ему пришлось увидеть. «Вы бы видели, каким я вышел! – это единственное, что можно было от него услышать. Он хлопал себя по щекам и криво ухмылялся: – Изящным, как греческий юноша!»

Конрад наверняка сделал все, чтобы обеспечить маме наилучшее лечение. Он очень практичен. В Англии, рассказывала мама Анне, чтобы обеспечить жену и двух дочерей, Конрад работал на фабрике. Теперь дочери выросли и, судя по всему, уже не нуждались в его заботе: он редко бывал на родине.

«Мы прибываем в аэропорт Темпельхоф», – объявила стюардесса, и тут же вспыхнули таблички: «Пристегните ремни безопасности» и «Потушите сигареты».

Анна взглянула в окно. Они были еще довольно высоко, и аэропорта не было видно. «Наверное, это все еще Восточная Германия», – подумала Анна, глядя на поля и маленькие домики. Совершенно обычные поля и домики. Судя по всему, при нацистах они были точно такими же. «Остается надеяться, – сказала Анна себе, – что мы приземлимся там, где надо».

В последний раз они прилетали в Берлин вдвоем с Ричардом – совсем ненадолго, чтобы сообщить маме, что решили пожениться. Это был странный, неприятный визит, несмотря на все ее счастье: частично из-за того, что Анна ненавидела Берлин, частично – из-за мамы. Не то чтобы она была против их брака – наоборот, она обрадовалась. Однако Анна знала, что все эти годы мама тайне мечтала о том, что ее дочь выйдет замуж за совершенно иного человека.

В Патни, когда папино здоровье пошатнулось и все казалось безнадежным, мама часто предавалась фантазиям о замужестве Анны. Ее мужем мог бы стать лорд – благородный лорд с большим загородным поместьем. Анна жила бы с ним в замке, а мама – во вдовьем домике (при замках всегда бывают вдовьи домики, поясняла она). И там был бы круглощекий повар, который пек бы для мамы кексы, и она лакомялась бы ими, сидя у камина. А в хорошую погоду разъезжала бы по парку на белом коне.

Конечно, это было не всерьез. Мама просто шутила, чтобы развеселить себя и Анну. И Анна часто напоминала маме, что она не умеет ездить верхом. Но, сообщая ей о Ричарде, Анна понимала: где-то в глубине души мама сожалеет, что приходится расставаться со своим образом наездницы, скачущей на великолепном скакуне в окружении свиты, гончих и кого там еще она себе представляла. И Анну это раздражало.

Раздражало ее и то, что мама плохо представляет, чем занимается Ричард. Основную информацию о жизни в Англии она получала от Макса. Молодой, набирающий силу адвокат, Макс представлялся маме источником, гораздо больше заслуживающим доверия, чем Анна с ее живописью. А Макс говорил маме, что у них дома нет телевизора, хотя они и обсуждают,

не купить ли его для помощницы по хозяйству. Анна нервничала, что мама может что-нибудь брякнуть самому Ричарду или просто в его присутствии: у нее такой громкий голос!

Глупость, конечно: Ричард вполне мог сам за себя постоять. Но Анна была благодарна Конраду за то, что тот удерживал маму от опасных тем. Стоило маме пуститься в рассуждения о литературе или театре (а мама в лучшем случае могла только цитировать папину точку зрения, да и то приблизительно), Конрад смотрел на нее, улыбаясь своей обаятельной асимметричной улыбкой и говорил: «Такие разговоры не для меня. Вы же прекрасно знаете: я в этом ничего не смыслю».

Самолет наклонился. Анна внезапно увидела Берлин – совсем близко, под крылом, и совсем рядом с городом – аэропорт. «Мы вот-вот приземлимся», – поняла она, и ей сразу стало страшно.

Что скажет Конрад? Будет ли винить Анну в том, что она долго не писала маме? Знает ли он, почему мама приняла снотворное? И в каком состоянии мама сейчас? В сознании? С кислородной маской? В коме?

Земля надвигалась прямо на Анну: такие же ощущения она испытала, когда в школе ей впервые в жизни пришлось прыгать в воду с трамплина. «Ну всё», – подумала Анна. Теперь уже ничто не могло остановить ход событий. Она с сожалением отметила, что между ней и землей нет даже облачной завесы. Небо было чистым, в лучах полуденного солнца сияли трава и стремительно приближавшаяся посадочная полоса. Вот колеса коснулись земли, самолет коротко взревел на бегу и, вздрогнув, остановился.

Конрад стоял у входа в зал ожидания, опираясь на трость, как и предполагала Анна. Она пошла прямо к нему сквозь гул немецкой речи. Увидев Анну, Конрад двинулся ей навстречу.

– Привет, – сказал он.

Его лицо с крупными чертами выглядело изможденным и каким-то осунувшимся. Он не обнял ее, как обычно, а только вежливо улыбнулся и пожал руку. Анну сразу охватили дурные предчувствия.

– Как мама? – спросила она.

– Без изменений, – ответил Конрад.

А потом бесстрастно сообщил, что мама в коме с утра субботы, когда ее обнаружили. С лечением возникли некоторые трудности: довольно долго никто не мог понять, что именно она приняла.

– Сегодня утром я телеграфировал Максу, – сказал Конрад.

– Мы поедем в больницу? – спросила Анна.

Он покачал головой:

– Не имеет смысла. Я только что оттуда.

Затем повернулся и двинулся к своей машине чуть впереди Анны, несмотря на больную спину и на трость, – как будто хотел убежать от нее. Анна спешила за ним в потоке солнца, чувствуя себя все более и более подавленной.

– Что говорят врачи? – спросила она, вынудив Конрада обернуться.

– Одно и то же, – отозвался он устало. – Они пока не знают.

И пошел дальше.

Все было гораздо хуже, чем можно было представить. Анна думала, Конрад будет винить ее в том, что она не писала маме, но не до такой же степени, чтобы совсем не желать общаться! Ее ужаснула мысль о том, что придется иметь дело со всем этим в одиночку, без его поддержки. (Если бы Ричард был здесь, подумала Анна, но тут же отсекала эту мысль как неосуществимую.)

Она нагнала Конрада у машины и едва не врезалась в него, когда он доставал ключи.

– Это из-за меня, да? – спросила она. – Из-за того что я не писала?

Он чуть не выронил ключи и обернулся, глядя на нее с нескрываемым удивлением.

– Было бы неплохо, если бы ты почаще писала маме, – сказал он. – И ты, и твой брат тоже. Но она пыталась покончить с собой не поэтому.

– Тогда почему?

Повисла пауза. Конрад смотрел куда-то мимо Анны, за ее правое плечо, как будто увидел вдалеке кого-то знакомого, а потом выдавил:

– У нее появились основания думать, что я ей неверен.

Первой реакцией Анны было воскликнуть: это невозможно! Что он такое выдумывает! Конрад сказал это для того, чтобы успокоить ее, чтобы Анна не винила себя, если мама умрет. Боже мой, это в их-то возрасте! Даже если предположить, что отношения мамы и Конрада не были абсолютно платоническими... Но такое!

– Ты влюбился в кого-то другого? – осторожно спросила Анна.

Конрад фыркнул, что, видимо, должно было означать «нет», а потом добавил все тем же сдавленным голосом:

– У меня был роман.

– Роман?

– Ерунда! – почти выкрикнул он с раздражением. – Девушка на работе. Совершенная ерунда!

Анна не нашлась что ответить. Она совершенно обессилела, и молча села в машину.

– Тебе нужно поесть, – заметил Конрад.

Казалось, у него камень с души свалился после того, как он признался. Значит, подумала Анна, это все-таки правда.

Конрад завел машину и сказал:

– Мне хочется, чтобы тебе было здесь хорошо – насколько это возможно в сложившихся обстоятельствах. Я знаю: твоя мама желала бы именно этого. Пусть твое пребывание в Берлине немного напоминает отпуск. Ты ведь летом никуда не ездила.

«Боже мой!» – подумала Анна.

Конрад взмахнул рукой, отменяя возражения:

– Конечно, я понимаю, что ты предпочла бы находиться не здесь, а дома, с Ричардом. Я только хочу сказать, что, когда ты не в больнице – а пока ты мало чем можешь помочь, – постарайся хоть немного развлечься.

Он искоса взглянул на Анну, и та кивнула в ответ – раз Конраду так важно, чтобы с ним согласились.

– Тогда, – сказал Конрад, – давай начнем с того, что отправимся пообедать в хорошее место.

Ресторан расположился среди сосен Грюневальда, излюбленного места для семейного отдыха, и в воскресенье, в хорошую погоду, там было полно народу. Воздух уже был довольно прохладным, но даже за столиками снаружи, застегнув пальто на все пуговицы, сидели люди и потягивали напитки.

– Ты помнишь это место? – спросил Конрад.

У Анны как будто появились воспоминания, связанные с очертаниями этого здания и цветом его стен.

– Наверное, мы приходили сюда с родителями. Но не поесть, а что-нибудь выпить.

Конрад улыбнулся:

– Himbeersaft⁵.

– Да-да!

Ну, конечно: малиновый сок! Его пили все немецкие дети.

⁵ Малиновый сок (нем.).

Внутри, в обеденном зале, стоял пар от дыхания множества заправских едоков. Их пальто висели рядом вдоль обшитых коричневыми панелями стен, а выше красовались две пары оленьих рогов и картина, изображавшая охотника с ружьем. Громкие умиротворенные голоса посетителей перекрывали позвякивание ножей и вилок. Анну все это и трогало, и настораживало – как всегда, когда она слышала такое знакомое с детства берлинское произношение.

– Все началось примерно три недели назад, – сказал по-английски Конрад, и другие голоса, вызывавшие у Анны столь сложные ассоциации, тут же перестали достигать ее слуха. – Тогда твоей маме все стало известно.

– Откуда она узнала?

– Я ей рассказал.

«Зачем?» – подумала Анна.

И Конрад, словно услышав ее, продолжил:

– Мы вращаемся в очень тесном кругу. Я боялся, что она узнает об этом от кого-то другого.

– Но если ты не любишь ту женщину по-настоящему... Если все уже кончилось?

Конрад передернул плечами.

– Ты же знаешь свою маму. Она сказала, что между нами уже ничего не будет как прежде. Ей много раз в своей жизни приходилось начинать все сначала, и с нее довольно. Ты и Макс выросли. Больше в ней никто не нуждается... – Конрад махнул рукой, словно резюмируя все, что сказала мама, – Анна без труда могла себе это представить. – Она твердила, что хочет покончить с собой, в течение трех недель.

Однако Конрад так и не сказал, что отношения между ним и другой женщиной закончились.

– Роман, естественно, закончился, – тут же добавил Конрад.

Когда принесли заказ, он сказал:

– После обеда мы поедem в больницу. Ты увидишь маму и, может быть, поговоришь с кем-нибудь из врачей. А пока расскажи о себе и о Ричарде.

Анна рассказала о сериале Ричарда, об их квартире и о своей новой работе.

– Значит, ты действительно станешь писателем?

– Ты имеешь в виду – как Ричард?

– Или как твой отец.

– Не знаю.

– Почему не знаешь? – переспросил Конрад почти с раздражением.

Анна попыталась объяснить:

– Не знаю, получится ли у меня. До сих пор я только правила пьесы других. Я никогда не писала ничего своего.

– Думаю, из тебя получится хороший писатель, – заметил Конрад и тут же добавил: – Хотя, конечно, я в этом не разбираюсь.

Они пытались говорить на общие темы: о Венгрии (хотя ни один из них утром не слушал радио и не знал последних новостей); о восстановлении немецкой экономики; о том, когда Макс сможет вылететь из Греции. Но постепенно беседа истощилась, и оба замолчали. Тогда до Анны снова стали долетать голоса жующих и беседующих берлинцев. Знакомые, но давно забытые слова и фразы.

– Bitte ein Nusstörtchen⁶, – попросил официанта полный человек за соседним столиком.

«Я тоже его любила, когда была маленькой», – подумала Анна. Маленькое, с белой глазурью и орешком сверху. А Макс всегда выбирал «Голову мавра» – пирожное в шоколадной

⁶ Ореховое пирожное, пожалуйста (нем.).

глазури с кремом. Никто из них не сомневался, что выбирает самое вкусное, и оба считали, что одно пирожное – исключительно для девочек, а другое – для мальчиков.

– Ваше пирожное, – сказал официант по-немецки и поставил пирожное перед полным мужчиной.

Даже сейчас на какую-то долю секунды Анна удивилась, что мужчина заказал «девчоночье» пирожное.

– Ты ничего не ешь, – заметил Конрад.

– Извини. – Анна наколола на вилку кусок картошки.

– Постарайся поесть. Тебе станет лучше. Нам предстоят трудные дни.

Анна кивнула и стала есть, а Конрад смотрел на нее.

– Больница, в которой лежит твоя мама, немецкая. Такие случаи там лечат не хуже, чем в американской, и добираться ближе. К тому же я подумал: если мама поправится, пусть лучше американцы не знают, что она пыталась с собой покончить. – Он умолк, ожидая реакции Анны.

Анна снова кивнула.

– Когда я ее обнаружил...

– Ты ее обнаружил?

– Конечно. – Конрад, казалось, удивился вопросу. – Понимаешь, я боялся, что это произойдет, и оставался рядом с мамой почти постоянно. Накануне вечером казалось, что с ней все нормально, поэтому я ушел. Но на следующий день у меня возникло такое чувство... Я решил к ней зайти, а там она... Я стоял, смотрел на нее и не знал, что делать.

– Что ты имеешь в виду?

– Возможно... – Конрад помедлил. – Возможно, она действительно этого хотела. Она повторяла снова и снова, что очень устала. Не знаю – я до сих пор не уверен, правильно ли я поступил. Но я подумал о вас с Максом и решил, что не могу взять на себя такую ответственность.

Анна больше не могла есть, и Конрад поднялся из-за стола.

– Пойдем, – сказал он. – Навестим твою маму. Постарайся не слишком сильно расстраиваться.

Больница располагалась в красивом старинном здании посреди лесопарка. Но как только они прошли мимо человека, сгребавшего листья, а потом – мимо другого, грузившего их на тачку, и приблизились к главному входу, у Анны скрутило желудок (уж лучше б она не ела!), и она испугалась, что заболевает.

В больничном вестибюле их встретила чистенькая медсестра в накрахмаленном переднике, с выражением отчужденности и неодобрения на лице, как будто она обвиняла Анну и Конрада в том, что случилось с мамой.

– Идите за мной, пожалуйста, – сказала медсестра по-немецки.

Анна шла первой, Конрад – за ней: обитые деревянными панелями двери и ковры вместо кафеля и линолеума... «Это больше похоже не на больницу, а на дом престарелых», – повторяла про себя Анна, стараясь отвлечься от мыслей о том, что ей предстоит увидеть. Коридор, лестницы, опять коридор, потом – большое лестничное пространство, заставленное шкафами и больничным оборудованием. Медсестра вдруг остановилась: здесь, среди зачехленных приборов, стояла кровать. И на ней кто-то неподвижно лежал. Почему мама не в палате? Зачем они положили ее здесь, на проходе?

– В чем дело? – воскликнула Анна так громко, что испугала всех, включая себя.

– Так нужно, – ответил Конрад.

А медсестра объяснила неодобрительным тоном, что ничего особенного не происходит: мама должна находиться под постоянным наблюдением, и лучшего места не придумаешь. Врачи и медсестры проходят здесь каждые несколько минут и могут следить за ее состоянием.

– Здесь очень хороший уход, – сказал Конрад, и они приблизились к маминой кровати. Видно было немного – только лицо и одну руку. Остальное скрывалось под одеялом. Лицо мамы было бледным. Глаза закрыты – но не естественно, а так, будто мама специально сильно зажмурилась. Из рта у нее что-то торчало. Анна присмотрелась и поняла, что это конец трубки, через которую мама дышала – слабо и нерегулярно. К руке шла другая трубка – от капельницы, стоявшей у кровати.

– Никаких изменений, – заметил Конрад.

– Нужно вывести ее из комы, – сказала медсестра. – Мы периодически зовем ее по имени. – Медсестра наклонилась к маме и показала как. Безрезультатно. – Что ж! Знакомый голос в таких случаях всегда лучше. Возможно, если ее позовете вы, то она услышит.

Анна посмотрела на маму, на ее трубки.

– По-английски или по-немецки? – спросила она и немедленно решила, что сморозила страшную глупость.

– Как хотите, – ответила медсестра, сдержанно кивнула и исчезла среди зачехленного оборудования.

Анна взглянула на Конрада.

– Попробуй, – посоветовал он. – Кто знает! Вдруг сработает. – Некоторое время Конрад стоял и смотрел на маму. – Я подожду тебя внизу.

Анна осталась возле мамы одна. Обращаться сейчас к маме казалось ей безумием.

– Мама! – позвала она осторожно по-английски. – Это я, Анна.

Никакой реакции. Мама просто лежала – во рту трубка, веки плотно сжаты.

– Мама, – позвала Анна громче. – Мама!

Она чувствовала странную неловкость. «Как будто в такой момент это имеет значение», – одернула она себя виновато.

– Мама! Ты должна проснуться, мама!

Но мама по-прежнему не двигалась, она упорно не желала открывать глаза и вступать в какое-либо общение с внешним миром.

– Мама! – закричала Анна. – Мама! Очнись, пожалуйста!

«Мама, – думала она, – это ужасно, когда у тебя закрыты глаза. Какая же ты непослушная!»

Забраться к ней на кровать, попытаться приподнять ей веки своими крошечными пальчиками... «Боже мой, – думала Анна, – я так делала, когда мне было два года...»

– Мама! Проснись! Мама!

Медсестра со стопкой простыней в руках подошла к Анне сзади и сказала по-немецки:

– Да-да, так и надо.

Сестра подбадривающе улыбалась, будто Анна выполняла спортивные упражнения.

– Даже если она не реагирует, возможно, она слышит ваш голос.

Анна продолжала громко звать маму – и пока медсестра складывала простыни в шкаф, и потом, когда та ушла. Анна кричала по-английски и по-немецки, что мама не должна умирать: она нужна им, детям, ее любит Конрад, и все будет хорошо. Но при этом она не переставала гадать, правда ли то, что она говорит; и стоит ли произносить эти слова, когда мама, возможно, вообще ее не слышит.

Между своими призывными криками Анна всматривалась в маму и вспоминала, какой та была в прошлом. Вот мама вяжет свитер и приговаривает: «Правда, красиво?» Вот мама в их парижской квартире – торжествует, потому что купила клубнику за полцены. Вот прогоняет мальчишек, которые преследовали Анну по дороге из школы домой, – это было в Швейцарии. Вот ест. Вот смеется. А вот мама пересчитывает деньги и говорит: «Как-нибудь справимся...»

И в то же время какой-то крошечной частью сознания Анна наблюдала за всем со стороны, отмечая сходство происходящего со сценой из сериала «Доктор Килдер»⁷ и удивляясь, что столь драматичные события могут быть одновременно столь банальными.

Но через какое-то время Анну оставили силы, она отыскала медсестру, и та проводила ее к Конраду.

В машине Анну опять затошнило, и она толком не разглядела гостиницу, где Конрад забронировал ей номер. Внутри она производила довольно убогое впечатление. Конрад сказал: «Я заеду за тобой, и мы поедем ужинать», Анну проводили вверх по лестнице, и теперь она лежала в полутемной комнате на широкой кровати под огромным немецким ватным одеялом.

Здесь, в тишине и покое, тошнота мало-помалу отступила. «Это из-за перенапряжения», – подумала Анна. Всю жизнь она так реагировала. Даже когда была совсем маленькой и боялась грозы. Она лежала в кровати и боролась с приступами тошноты, накатывавшими на нее между раскатами грома и вспышками молний – до тех пор, пока Макс не доставал из шкафа свежесглаженный носовой платок и не клал ей на живот. По непонятной причине это всегда помогало.

Спали они тогда как раз под такими ватными одеялами – совсем не похожими на английские. Немецкое одеяло вставлялось в пододеяльник, который с одного края застегивался на пуговицы. И чтобы предотвратить какую-нибудь воображаемую, уже давно забытую опасность, перед сном нужно было крикнуть: «Пуговицы – к ногам!» Спустя много лет, после папиной смерти, в гамбургской гостинице Анна как-то напонила Макс у об этом, но он все напрочь забыл.

Тогда они в последний раз собрались все вместе: Анна, Макс, мама и папа – пусть он уже и умер. Папа оставил так много рукописей и писем, что казалось, будто он все еще рядом с ними.

– Я говорила ему: не надо так делать, – сказала мама, как будто речь шла о том, что папа в дождливый день ушел из дома без галош.

Она не хотела, чтобы папа оставлял предсмертную записку, потому что суицид все еще считался преступлением и мама не представляла, что будет, если об этом узнают.

– Как будто это не его личное дело! – возмущалась она.

Однажды вечером мама вышла от папы, зная, что больше не увидит его живым: после ее ухода он примет принесенные ею таблетки. Что они сказали друг другу в тот вечер? И папа... как бы он отнесся к тому, что сейчас происходит? Ему всегда так хотелось видеть маму счастливой! «Ты не должна чувствовать себя вдовой», – написал он маме в последней записке. А Макс у Анне он говорил: «Приглядывайте за мамой».

Когда сквознячок шевелил занавески, в полутьме мерцал слабый свет. Занавески были сшиты из тяжелой плотной ткани, и легкие колебания приводили к причудливым сдвигам вертикалей и горизонталей мелких узоров на ткани. Анна следила за ними глазами, а перед ее внутренним взором проплывали неясные, разрозненные образы: вот папа в Париже, на балконе их убого обставленной квартирке, где они прожили два года. «Отсюда видно Триумфальную арку, площадь Трокадеро и Эйфелеву башню», – говорит он. Вот они с папой встречаются на улице, когда Анна возвращается из школы домой... Это Лондон? Нет, Париж – улица Лористон. Позже, во время войны, здесь располагался штаб немецкого гестапо. Папа что-то бормочет, не обращая внимания на прохожих, – его губы шепчут то ли слова, то ли фразы, а потом он вдруг смотрит на Анну и улыбается.

Жаркий солнечный день в Блумсбери, дом с меблированными комнатами. Окно открыто, мама и папа – снаружи, на жестяной крыше. Папа сидит на стуле с прямой спинкой, мама лежит

⁷ «Доктор Килдер» – популярный американский сериал 1960-х годов о молодом интерне и его рабочих буднях в больнице.

на старом коврикe. «Мы загораем», – сообщает папа и улыбается мягко и иронично. А воздух насыщен крупницами лондонской сажы, и все, чего они касаются, чернеет. «Даже солнечную ванну принять невозможно!» – расстраивается мама: крупцы сажы оседают у них на руках, на лицах, на одежде, оставляя черные отметины. Эти отметины смешиваются с узорами на занавесках – но мама и папа все так и сидят, и на них все опускаются крупинки сажы. Анна тоже куда-то плывет и проваливается. «Когда берешься писать, самое главное...» – говорит Ричард. Но в этот момент самолет приземляется, двигатель оглушительно ревет, и Анна не может слышать, что Ричард считает «главным». Вдоль посадочной полосы ее идет встречать папа. «Папа!..» – восклицает Анна – и, проснувшись в незнакомой кровати, еще несколько мгновений не понимает, спит она или нет.

Наверное, это длилось не более минуты – судя по тому, что освещение не изменилось. «Сейчас воскресный полдень, – подумала Анна. – Я в чужой комнате, в Берлине, и сейчас – да! – воскресный полдень» Занавески снова шевельнулись от сквозняка, солнечные зайчики заплясали по одеялу, перебрались на стену и исчезли. «Наверно, на улице солнечно». Анна поднялась с кровати, чтобы выглянуть в окно.

За окном раскинулся сад. Листья с кустов и деревьев облетели и лежали в высокой траве. Возле ветхого дощатого забора двигалось огненно-рыжее пятно – подпрыгнуло, вцепилось в низко висящую ветку, вскарабкалось наверх и уселось там, покачиваясь на ветру. Красная белка! Конечно. Их очень много в Германии. Анна наблюдала, как белка умывается, распушив на ветру свой хвост. Тошнота совсем прошла.

Как бы папе понравилась эта белка! Он никогда не узнает о Ричарде, о маленькой дочери Макса, о том, что мир после долгих лет ужаса и отторжения снова открылся для радости. «Но я-то жива! – думала Анна. – Я-то пока жива!»

Конрад пришел за ней в шесть.

– Мы проведем вечер с друзьями, – сообщил он. – Я подумал, это будет лучше всего. Они приглашали нас с мамой сыграть с ними в бридж, так что ждут гостей в любом случае. Но, как ты понимаешь, они думают, что у мамы только пневмония.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.